

Большое интервью с Текоџина Анарџист

2019-09-08

Оглавление

Часть первая: трудности в Рожаве	3
Часть вторая: послание русскоязычным товарищам	10

Часть первая: трудности в Рожаве

*«Анархистская борьба» — формация либертарных добровольцев со всех концов Земли, которые прибыли в Рожаву, чтобы принять участие в революции. Организаторы группы провели в Сирийском Курдистане уже несколько лет, поэтому «Анархистская борьба» стартовала не с чистого листа, а с немалым багажом за спиной. Новая инкарнация организованного анархизма в Рожаве взяла курдское имя *Tekoşîna Anarşîst* (Анархистская борьба) и заявила о своём появлении в начале 2019 года.*

Коллектив Nevale: революция в Курдистане воспользовался возможностью задать вопросы товарищам из «Анархистской борьбы». Получилась содержательная беседа на чистоту, с «неудобными» вопросами и значимыми ответами. Мы не обходили острых углов и успешно ушли вглубь от поверхностности. В первой части большого интервью мы спросили товарищей, как им даётся тесное взаимодействие с марксистами-ленинистами из числа турецких левых и как они оценивают многочисленные противоречия в социальном развитии Рожавы...

Nevale: Вы действуете в составе Международного батальона свободы (IFB). Насколько нам известно, этой структурой руководят марксистско-ленинистские партии, такие как MLKP, ТКР-МЛ и другие. Принимая во внимание военную иерархию и не-либертарную идеологию этих организаций, как вам удаётся наладить взаимоотношения с ними на либертарных принципах? Какую пользу вы видите в сотрудничестве с марксистско-ленинскими группами?

Tekoşîna Anarşîst: Международный батальон свободы был сформирован как коалиция революционных организаций. Большинство из них — турецкие. В основном — марксистско-ленинистской ориентации. Цель этого начинания — помочь революции в Рожаве. Участие в батальоне бойцов-интернационалистов и добровольцев, особенно анархистов, всегда было сложным вопросом. Во многом, мы сотрудничаем с этими организациями в соответствии с нашим принципом отказа от сектантства. В рамках этой своего рода коалиции различных сил мы делаем общее дело на уровне солидарности с Рожавой. Это часть того знания, которое мы приобрели здесь как анархисты: создавать врагов без необходимости — плохая идея. При этом, разумеется, наши взаимоотношения носят скорее стратегический характер. Мы всегда помним о том, что у нас свои собственные задачи и отдельный анархистский путь.

Анархисты и ряд других интернационалистов, участвуя в батальоне, постоянно бросали вызов некоторым политическим решениям этих партий. Нужно отметить, что товарищи-интернационалисты порою были исключены из процесса принятия решений.

Что касается военной иерархии, то мы, являясь боевой структурой, признаём жизненно необходимым создание эффективной боевой структуры, для которой требуется и командование. Например, в рамках нашей организации существует система

должностей и обязанностей, которые делегируются и распределяются между её членами. Например, член организации, на которого возлагаются обязанности боевого командира, получает определённую власть в ситуации боя, принимая оперативные решения. Однако военный руководитель не имеет никакой власти в нашей повседневной жизни и каких-либо иных вопросах, кроме непосредственно военных. Более того, в повседневной жизни мы стараемся использовать такие способы коммуникации, которые позволяют управлять групповой динамикой и избегать возникновения неформальных иерархий.

IFB всегда был фронтовым боевым подразделением. Мы уважаем решения, принятые командиром батальона, коль скоро этот командир избран, исходя из его опыта и способностей, а также при условии, что военные решения принимаются без вмешательства в сферу политики. Если командир демонстрирует свою некомпетентность, то мы поставим этот вопрос перед «объединённой группой», своего рода руководящим комитетом батальона, в который включены все участвующие в нём организации. Скажем, в ходе операции в Ракке анархистская организация Международные революционные народные партизанские силы (IRPGF) была частью руководящего комитета.

В общем, сравнивая структуру Международного батальона с государственными и парамилитарными военными структурами, мы можем утверждать, что наша гораздо более демократична, имея соответствующие механизмы принятия решений, и, если можно так сказать, более «свободна».

В отличие от ряда наших анархистских товарищей мы не используем здесь термин «демократический» как синоним либертарного. Мы используем его скорее в нейтральном ключе — для обозначения системы, построенной по принципу «снизу-вверх», что позволяет её участникам направлять свои запросы наверх и высказывать взаимную критику. Однако «демократия» в нашем употреблении не подразумевает наличия внутренних механизмов, предотвращающих развитие авторитарных тенденций, регулирующих и балансирующих потенциальную власть, которая всегда присутствует в подобных структурах. Мы не считаем демократические средства чем-то, что мы как анархисты используем в своих организационных и политических практиках. Мы различаем значения понятий «демократический» и «либертарный» (или «анархистский»). Этот наш подход основан на серьёзной критике, которую мы выражаем в отношении термина «демократия» и его использования в дискурсе политических движений, а также на глубоком анализе сущности демократии как таковой.

Мы исходим из опыта анархистских экспериментов с демократией по всему миру. Мы используем её в ином значении, чем это делается в рамках теории демократического конфедерализма. Для этого есть причины: здесь слово «демократия» используется в совсем ином значении. Идеология так называемой «Новой Парадигмы» стремится наполнить этот термин новым смыслом и использовать его для описания свободной цивилизации, за которую она борется.

Однако это различие не мешает нам прислушиваться к разным товарищам здесь в Рожаве, вести дискуссии по множеству тем, а также анализировать, каковы политические и исторические корни тех или иных идеологем, равно как и учиться у них. Это очень самобытная политическая реальность. Было бы ошибочным рассматривать

и критиковать её с точки зрения западного политического подхода. Мы должны внимательно прислушиваться и приглядываться к реалиям, и не закрывать наши сердца от идей, которые бросают нам вызов. Это сделает нас сильнее.

Кроме того, вооружённая борьба и политическая организация, как в Рожаве, так и в странах, откуда мы прибыли, всегда были и остаются проблемами, полными противоречий. Это ещё один урок, который мы как анархисты можем выучить здесь, и выработать свою позицию. Завершая свой ответ на вопрос, хотим подчеркнуть, что мы отличаемся ото всех маоистских и марксистско-ленинских групп, действующих в Рожаве. Мы не согласны со многими их идеями, и у нас есть собственная позиция по всем вопросам. В то же время в ряде аспектов нам есть много чему поучиться у этих людей.

Nevale: Идеология революции в Рожаве, демократический конфедерализм, проповедует прямое самоуправление и общественно-ориентированную экономику. Однако можно видеть, что по-прежнему не вполне ясно, какие институты действительно управляют Рожавой. Параллельно с советами действуют пара-государственные учреждения, такие как министерства. Система делегирования полномочий (мандата) и выборов в советы также неясна. Определённый контроль Рабочей партии Курдистана (РПК) над обществом также существует уже длительное время. В сфере экономики мы по-прежнему видим широкое распространение типично капиталистических отношений, а также контроль партии над ключевым сектором экономики: нефтедобычей. Непонятно, меняется ли как-либо эта ситуация. Каков ваш анализ и ожидания по поводу развития общества Рожавы в этих обстоятельствах.

Tekoşîna Anarşîst: Среди нас есть две позиции по этому вопросу.

Первая: вы легко можете пойти к некоторым кадрам партии и обсудить с ними все эти вопросы. Некоторые из них честно скажут вам, что ситуация в регионе — это скорее неудача, а идеология демократического конфедерализма и то, что мы имеем здесь на практике — весьма далеки друг от друга. Однако тот факт, что революция достигла лишь немногого из того, к чему стремилась, служит для этих товарищей сильнейшим стимулом к тому, чтобы переосмыслить свою деятельность и полностью посвятить себя изменению порядка вещей.

Мы, анархисты, также очень часто сталкиваемся с тем, что наши идеи, жизнь, которой мы живём, и мир вокруг нас — очень далеки друг от друга. Как нам относиться к этому? Мы можем признать, что такова реальность, мы там, где мы есть, и нам предстоит пройти долгий путь. Или же мы можем прятать проблемы и вызовы за слепой и узколобой упёртостью или даже подобострастным отношением. В Рожаве можно увидеть оба варианта. Мы совмещаем критичность и товарищеское отношение.

Здесь, в Рожаве, мы, а также многие товарищи, с которыми мы сотрудничаем, ведём свою работу, исходя из позиции солидарности с жителями Северо-Восточной Сирии. Мы сражались бок о бок с ними против Исламского Государства, а также против армии турецкого государства и её сателлитов. Это одно из проявлений нашей солидарности на практике.

В то же время на нашу позицию сильно влияет поиск ответа на вопрос: кто составляет «движение»? «Движение» — это партия РПК и её кадры? Или вся совокупность институтов и министерств, существующих в Автономии? Или «движение» состав-

ляют все семьи, лояльные к РПК («welatparez»), и мученики, отдавшие жизни ради того, чтобы сделать возможным нынешний (хотя и далеко не совершенный) порядок в Рожаве возможным в тяжелейших условиях сегодняшнего дня. А может быть к «движению» можно отнести всех людей, стремящихся к лучшей жизни и борющихся каждый день с экономическими тяготами в условиях военного времени. Они превозмогают потерю близких людей. По-прежнему стоят по нашу сторону баррикад, во многом потому, что режим Асада, Турция и Исламское государство попросту намного худшие варианты для большинства местных жителей. Разные люди по-разному дают определение «движению».

Практика демократического конфедерализма в Рожаве знаменита своими яркими и радикальными социальными изменениями, в которых отразились тенденции, наиболее либертарные из всего, что есть в окрестных регионах. Все слышали о гендерных квотах и сопредседательстве мужчины и женщины в советах и коммунах. В Mala Gel («Народном доме») и Mala Jin («Женский дом»), а также в коммунах проводятся образовательные занятия. На них распространяются и обсуждаются идеи общественной трансформации. Общее образование бесплатно и доступно для людей.

Также в ходу институт улаживания конфликтных ситуаций, действующий на местах. С его помощью можно решить проблему на низовом уровне, не обращаясь в суд. При этом параллельно существует законодательство, суды и тюрьмы, равно как и усиливающаяся бюрократия и контроль, в том числе — централизованное принятие решений. Проблемы социальных изменений, в частности, избавление от тюрем (это большая и важная тема для борьбы не только в Рожаве) сталкивается с вызовами: деятельностью ИГ и общей экономической и геополитической ситуацией.

Так или иначе, ситуация здесь настолько сложна, что быть чересчур разборчивым в том, с кем взаимодействовать, а с кем нет, может стать проблемой жизни и смерти. Может показаться, что мы абсолютно прагматично смотрим на здешнюю действительность. Однако мы пытаемся сказать другое: мы настроены на то, чтобы учиться на здешних событиях и реалиях, и местные противоречия скорее помогают нам в этом, чем мешают.

Вторую позицию можно сформулировать так: то, что мы наблюдаем сейчас в Рожаве это ситуация-вызов, которая даёт нам информацию о том, что нас ждёт в ближайшем будущем.

После военного поражения «Халифата» в марте 2019 года борьба против ИГИЛ всё ещё далека от завершения. Борьба с джихадистами и их идеологии в областях пустыни — крайне сложная задача. По всей вероятности, её можно успешно завершить лишь используя, в первую очередь, социальные меры, отдавая им приоритет перед военными. В первую очередь, речь стоит вести о социальной организации женщин и молодёжи.

Спящие ячейки ИГ серьёзно активизировались. Сейчас мы имеем полномасштабную партизанскую войну. В прицеле джихадистов оказываются ключевые фигуры местных сообществ, а также бойцы Сил демократической Сирии. Принимая во внимание крупномасштабные поджоги урожая и другие ежедневные диверсии, каждый удар ИГ наносит в два раза больше урона. Идеология ИГ не будет искоренена в ближайшем будущем.

Рожава переживает сложную экономическую ситуацию. Иногда происходящее здесь называют «военным коммунизмом». Однако реалии очень далеки от большевистского/сталинистского экономического и политического сценария. Рожава находится в условиях эмбарго и вынуждена полагаться на контрабанду и дипломатию. При этом не вся экономическая сфера Рожавы находится под её контролем, здесь можно наблюдать вперемежку зоны влияния режима Асада и местных институтов.

В то же время невозможно ввезти контрабандой всё. Например, вещи вроде газовых турбин для электростанций. В них существует острая потребность. Те, что используются сейчас, очень устарели, и их нужно заменить. Но как доставить в Рожаву газовую турбину? Геополитическая ситуация крайне сложна и не только по экономическим причинам. Приходится постоянно выбирать между большим и меньшим злом и порою сотрудничать с явными врагами. Это связано с тем, что вопрос выживания — по-прежнему остаётся главным вопросом.

Система кооперативов вдохновляет, но она остаётся скорее маргинальным явлением и не даёт ответов на очень трудные экономические вопросы, связанные с капитализмом. Также на территории Рожавы по-прежнему существуют зоны, где землёй владеет режим Асада или сирийские феодалы-бизнесмены. И несмотря на попытки развивать экологию в Северо-Восточной Сирии, климатический кризис здесь проявляется крайне остро и заметно. В долгосрочной перспективе это может оказаться даже более серьёзной проблемой, чем всё, о чём мы говорили выше.

Все упомянутые факторы оставляют мало места для радикальных сдвигов к иным формам экономики в ближайшем будущем. Это не значит, что люди прекратят бороться и работать над тем, чтобы добиться лучшего варианта из возможного в местных условиях. Но как насчёт людей, которые не являются частью движения, абсолютно истощены войной и думают о том, чью сторону выбрать исходя из своих материальных выгод? Это вызов нам всем, работающим здесь.

В текущих обстоятельствах мы видим особую важность женского движения и автономных женских структур для любых грядущих событий. Из всех сегментов борьбы и частей движения в Рожаве и за её пределами, на наш взгляд, женские структуры стоят на переднем краю социальных изменений и представляют собой наиболее радикальные и прогрессивные тенденции в обществе и в движении. Женские отряды самообороны, автономное пространство для развития науки, ориентированной на женщин, исторического знания и разрешения конфликтов — это удивительные перемены для этого региона, которые необходимо удерживать и закреплять.

В конечном итоге, многие проблемы и трудности коренятся в хитросплетениях дипломатии. Всё сложнее иметь дело с угрозами со стороны Турции и с режимом Асада, а также косвенно — с Ираном и другими политическими игроками. Геополитика всегда является важной темой изучения и полем постоянной хитрой политической игры.

Мы видим, что в текущей ситуации мы, анархисты, не можем сильно повлиять на развитие событий, однако мы можем многое из них вынести. Многому научиться у этого места, идеологии этого движения. В каком бы уголке мира мы ни были, любые идеалистические представления и планы того, как должна происходить социальная борьба, столкнутся с суровыми препятствиями и, так или иначе, будут

развиваться очень противоречиво. Поэтому необходимо выработать подход, который позволит нам быть гибкими, открытыми, внятными и при этом твёрдо стоять на наших анархистских позициях, идеях и практиках, а также быть очень хорошо организованными.

Nevale: в Рожаве все задачи движения осуществляются в жёстких рамках. Например, люди из военной сферы не имеют почти никаких возможностей вмешиваться в жизнь общества. Также в каждом социальном институте Рожавы, в котором вы работаете, есть ответственное руководство, которое может с лёгкостью ограничить вашу инициативу и сферу деятельности. Какие реальные инструменты влияния на общество и движение остаются в ваших руках в такой ситуации?

Tekoşîna Anarşîst: Существующее разграничение между военной и гражданской сферами общественной жизни не всегда столь жёсткое. Интересен пример молодёжного движения. Оно является гражданской структурой и действует в рамках гражданского общества. Молодёжное движение активно участвует в социальной жизни. В то же время им очень близок военный подход и мировоззрение. Также они организованы по военному образцу и проходят курс боевой подготовки. Ряд структур, особенно молодёжных, рассматриваются как часть общественного авангарда, задачей которого является влияние на общество с целью воспитать в нём сознательность и распространить идеологию демократического конфедерализма.

Другой хороший пример — Силы общественной самообороны (Hêzên Parastina Civakî, НРС), вооружённые отряды гражданской самообороны, в которые входят автономные женские и мужские структуры. Структуры Сил общественной самообороны устроены иначе, чем военные. В основе их концепции — принцип самозащиты. Они действуют преимущественно на началах самоорганизации. Да, в их рядах также есть кадры, однако НРС по любым меркам намного ближе к идеалу «самообороны народа», чем YPG/YPJ и в целом СДС, чьи структуры больше похожи на профессионально военные.

В революционных структурах Рожавы, как гражданских, так и военных, существуют различные ограничения и особенности. Присутствуют более или менее прямой контроль и регулирование инициативы, особенно для иностранных добровольцев и волонтеров. Порой взаимоотношения между «ответственными» (кадрами) и теми, на кого простирается их ответственность, могут быть действительно болезненно иерархичными.

В некоторых структурах ответственные позиции занимают в том числе интернационалисты. Движение приглашает сюда людей из-за рубежа, рассчитывая на их помощь в конкретных сферах и вопросах. Они не всегда совпадают с тем, что интернационалисты хотели бы или могли бы сделать. Другими словами мы часто видим разницу между тем, чем интернационалисты хотят заниматься, и тем, что партия скажет им делать. Однако пространство для инициативы сохраняется, несмотря на то, что реальная социальная работа и влияние на общество очень затруднены.

Важно понять, как здесь всё функционирует, как выполняется та или иная работа, как осуществляется коммуникация внутри организации и за её пределами. Всё это сильно отличается от реалий тех стран, откуда в Рожаву приезжают добровольцы. Здесь всегда есть возможности осуществить ваши замыслы. Однако очень часто для

этого необходимо усердно потрудиться, затратив много усилий на предварительное планирование и обдумывание, что именно и каким образом вы хотите сделать. Нужно быть готовым к тому, что придётся проявлять много инициативы, выстраивая социальные связи и самостоятельно завязывая знакомства со множеством новых людей. Также нужно много объяснять и настаивать на том, что вы хотите делать, при этом продумав, как эта деятельность соотносится с работой движения, его перспективой и идеологией. Наконец, крайне важно понимание человеческих взаимоотношений и их «социального кода» в местном контексте. Например, часто деловые обсуждения и встречи проводятся на полях различных социальных мероприятий, и едва ли можно уловить границу между повседневной коммуникацией и рабочей встречей. Последнее и самое важное: отсутствие языковых навыков фатально ограничит ваши возможности что-либо делать. Хорошее понимание всего этого даст вам инструменты для того, чтобы стать частью происходящих событий.

Говоря словами нашего павшего товарища, мученика Шевгера Махно, который погиб, защищая Африн от турецкого вторжения, — «мы сами, может быть, не изменим многого в происходящем, но всё, что происходит, несомненно сильно поменяет нас самих». Из этого понимания мы исходим, совмещая активное участие в событиях в Рожаве и извлечение опыта и знаний из этой истории.

Часть вторая: послание русскоязычным товарищам

Вторая часть беседы с товарищами из «Анархистской борьбы» более лаконична, но точно не менее интересна. Наши собеседники рассказали, какова роль их проекта в контексте глобальной борьбы анархистов за новое общество, а также обратились с особым посланием к русскоговорящей аудитории.

Поразительно, насколько метко товарищи диагностируют проблемы, характерные для либертарного движения на пост-советском пространстве и за его пределами: недостаток преданности соратникам и революционной борьбе, отсутствие организованности, а также культуры критики и самокритики. Кроме того, товарищи затронули проблему тюрем, особенно актуальную для пост-советских стран. В завершении бойцы «Анархистской борьбы» почтили память мучеников либертарного движения: Михаила Жлобицкого и Вильяма Ван Спронсена.

Nevale: **каким вы видите значение своего проекта в контексте глобальной анархистской борьбы? Какую роль группа «Анархистская борьба» хотела бы играть для международного анархистского движения?**

Tekoşîna Anarşîst: Организуясь в Рожаве как анархисты и либертарики, мы можем коротко выразить свою позицию словами критическая солидарность и интернационализм. Мы здесь, чтобы проявить солидарность с народом региона, местным революционным движением и его идеологией. В то же время мы хотим выработать всеобъемлющее и недогматичное понимание того, что здесь происходит. Наша конечная цель — найти новые пути и подходы к организации, революционному процессу, фигуре революционера/кадра, основываясь на местном уникальном опыте. Наш долг как интернационалистов в том, чтобы защищать революцию плечом к плечу с жителями Рожавы. Однако вместе с этим мы здесь, чтобы постичь местную практику, научиться и обрести опыт, чтобы развить себя как революционеров. Благодаря этому мы сможем строить, налаживать и развивать революционную борьбу и в других местах. Мы не хотим просто копировать у местного движения методы, организационные механизмы и идеологические модели и пытаться воспроизвести их в иных частях света. Напротив, мы признаём, что борьба и сопротивление должны быть организованы в соответствии с местными историческими, социальными и культурными особенностями конкретного региона.

Мы отдаём себе отчёт, что любое современное движение борьбы и сопротивления имеет серьёзные изъяны. Однако наш опыт касается, в первую очередь, европейской анархистской сцены. В её рамках разные очаги сопротивления остаются атомизированными. Недостаёт способности формулировать революционную стратегию, всеобъемлющий анализ и революционный проект, которые смогли бы организационно и на уровне идеологии связать отдельные направления борьбы в глобальный

план. Мы хотим внести свой вклад в преодоление этих ограничений, чтобы продвинуть борьбу вперёд. Мы хотим создать, развить и поддерживать инфраструктуру, которая позволит революционным анархистам и либертариям со всего мира обучаться, получать опыт, знания и различные навыки в сфере самообороны, социально-революционной деятельности. Мы хотим, чтобы наши товарищи имели возможность тренироваться, обучаться и работать по различным направлениям. Не просто учиться в индивидуальной манере, но аккумулировать знания коллективно, брать на себя ответственность и действовать самоорганизованно.

Также мы хотим подчеркнуть важность того, чтобы квир люди имели возможность участвовать в революции в Рожаве и обучаться здесь. Наш проект даёт возможность людям, не вписывающимся в «гендерные нормы» и бинарность, приехать в Рожаву. В настоящей момент иным путями здесь всё ещё сложно добиться принятия человеку с небинарной сексуальностью или идентичностью.

Nevale: Что ещё важного вы хотели бы сказать? Может быть что-нибудь специально для русскоговорящих читателей?

Tekoşîna Anarşîst: Хорошо, этот ответ будет обращён именно к русскоговорящим читателям, в том числе находящимся вне России. Россия и пограничные постсоветские государства имеют сходства и различия, и русскоговорящих товарищей можно встретить во всех уголках мира. Иногда может показаться, что разговариваем на совершенно разных языках и находимся под влиянием кардинально разного контекста. Несмотря на это, есть множество тем, о которых мы можем друг другу рассказать. Так как мы сейчас находимся в Рожаве, где сталкиваемся с реальностью, отличной от условий в странах нашего происхождения, мы бы хотели высказать ряд самокритических замечаний, которые могут быть адресованы к нам как к анархистам вообще. Русскоязычные читатели не понаслышке знакомы с вещами, которые мы упомянем. Некоторые пункты критики, на самом деле, особенно актуальны для анархистского движения в России и в соседних странах. Эта критика рождена чувством сопричастности и товарищеской солидарности, она призывает людей задать себе вопросы, которыми они раньше могли не задаваться, и/или посмотреть на эти темы под несколько другим углом. Мы не пытаемся выдать это за глубокий анализ положения, мы скорее ставим вопросы: все эти вещи мы до сих пор ежедневно обсуждаем в нашей организации и хотели бы разделить их и с вами.

Для начала мы хотели бы указать на некоторые аспекты, относящиеся к организационной культуре. Мы видим несколько проблем, над которыми стоит серьёзно подумать.

Распространённым явлением в анархистском движении стала проблема, которую мы называем «заменяемыми отношениями». Это значит, что люди легко идут на конфликт внутри групп или организаций и не держатся за товарищей и отношения, выстроенные с ними, принимая за постулат, что никого не волнует прекращение кооперации между конкретными людьми, а вокруг есть множество других людей, с которыми можно продолжить работать. Буквально же это значит беспричинно наживать себе врагов и приумножать разобщённость. Обычно подобные ситуации повторяются раз за разом, и люди меняют товарищей, коллективы и проекты как перчатки. Отдельные личности даже делают личные или межгрупповые конфликты поводом для непримиримой войны. Раздутое эго, патриархальная конкурентная

ментальность зачастую игнорирует общие интересы и даже общие угрозы, с которыми все мы сталкиваемся. Такие конфликты беспрецедентно деструктивны и уже повредили многим анархистским и связанным с ними подпольным организациям, которые были выстроены за последние 15 лет, к примеру, в России.

В то же время, у нас нет готовых эффективных решений для многих вопросов в масштабе всего движения. Например, как преодолеть препятствия, связанные с экономикой и снабжением, которые позволят нам выстроить движение на принципах большей организованности и преданности, так, чтобы все наши способности не были подчинены простому выживанию при капитализме? Как не породить конкуренцию между организациями или членами одной организации, а также людьми за её пределами? Как выстроить целостное видение тактики и стратегии движения путём диалога и постоянного их совершенствования, но без насаждения централизованных директив? Как формализовать взаимодействия так, чтобы преодолеть неформальную иерархию без замены её на иерархию партийную? Как не отстранить от движения людей, допускающих фундаментальные ошибки, и вместо простого исключения, являющегося обычной практикой, дать им новое понимание, а не отчуждение? Как эффективно разрешать конфликты? Как создать солидарность, способную к критике – построить товарищеские, но в то же время по-хорошему критические по отношению друг к другу отношения между людьми и целыми группами?

Здесь в Рожаве мы научились использовать формализованный инструмент для донесения друг до друга взаимной критики и самокритики, который мы называем такмилль, в антиавторитарном, конструктивном и неиерархическом, горизонтальном ключе. В данный момент, более сложно критиковать товарищей за пределами Рожавы. Критика часто воспринимается как персональная атака и неуважение, критикуемые же возводят непреодолимую стену из сильных защитных реакций и собственного эго в ответ на критику. Такмилль же – это не способ словесно разгромить товарищей, а скорее инструмент для донесения критики в заботливом, конструктивном ключе, учитывающем нашу способность изменять оказавшиеся деструктивными методы и иерархичность, присущую мышлению. Это неизбежный след, который оставило на нас окружение, в котором мы выросли. Мы способны создавать собственные ценности, собственные способы выстраивать отношения друг с другом. Критика может быть даром, имплицитно подразумевающим веру в своих товарищей, в их способность становиться лучше, возникающим не из агрессии, а из рефлексии и постоянного развития. Именно поэтому необходимо развивать новую революционную культуру критики и самокритики.

Затем неизбежно возникает размышление о личности борца и приверженности революционной организации. Недостаток приверженности – большая проблема для анархистского движения. Мы все задаёмся вопросами о том, как нам вести повседневную жизнь и поддерживать отношения с людьми, учитывая наши политические воззрения? Не слишком ли мы увязаем в быте? Как нам найти баланс между ответственностью и личными желаниями так, чтобы обеспечить поддержку некоторой общей линии, которая, с другой стороны, определяет жизнь и существование организации? Как нам развить осознание того, что революционное строительство – это не просто хобби или способ заполнить досуг и заниматься им всерьёз, не упуская личные цели и радости жизни?

Наконец, нам не хватает серьёзного и всеобъемлющего политологического анализа, который мог бы заменить постоянное реагирование на ежедневно происходящие события. Конечно, оставлять их без освещения тоже нельзя, но как не позволить им отвлечь нас от выстраивания собственной сильной позиции, разработки стратегии и углубления понимания тактики? Сейчас, когда ФСБ ведёт полномасштабную войну против анархистов и контролирует инакомыслящих в России и за рубежом, как нам, анархистам, нужно смотреть на самозащиту в физическом/военном смысле? Как не скатиться до очередного элитистского культа или мачистского дерьма? Нужно разработать серьёзный взгляд на проблему, не только остро реагирующий на злободневные социальные и экономические вопросы, но и опирающийся на историю, понимание того, что сработало, а что нет, ищущий глубинные связи между событиями текущего дня. Проще говоря, нам нужен целостный анархический анализ картины мира, причём говоря об этом, мы не обязательно имеем в виду теоретическое, академическое исследование.

Во всех постсоветских странах осознание взаимосвязи между широким наступлением патриархальной реакции, ура-патриотическим национализмом и шовинизмом, разветвлением системы тюрем рождается из повседневного опыта, и вам не обязательно быть политическим активистом или профессиональным социологом, чтобы понять как устроена система и решить с какой стороны баррикад будете вы. Так, любой человек из России или Беларуси так или иначе понимает масштабы тюремного конвейера или коррупции. Естественно, возникает нужда в самообороне, как в контратаке, так и в творческом подходе к защите, а также в выстраивании собственных структур, сил и пространств..

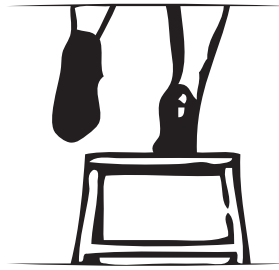
Наши русскоязычные товарищи обладают уникальным наследием: историческим опытом системы ГУЛАГа и опустошительным опытом строительства Советского Союза, если взглянуть на эти события с анархистской точки зрения. Этот опыт радикально повлиял на каждую деталь экономической и социальной реальности, в которой мы сегодня живём. С другой стороны, патриархальная, шовинистская, гомофобная государственная реакция – тоже реальность, идущая руку об руку с тюремной системой и вопросом о её отмене. Жизненно необходимы сильные движения, вдохновляемые (и, в свою очередь, способные вдохновить новые) нарративами освободительных движений, разработанных на основе опыта революций, контрреволюций, тюрем и патриархата, как минимум, на протяжении последних 150 лет. Необходимо революционное творчество, прямая вовлеченность в народную самооборону, проявляющуюся в различных формах.

Также нужна большая вовлеченность в борьбу товарищей всех гендеров, помимо мужского, создание не-мужских пространств, которые позволят расти и укрепляться разнообразию и включить в борьбу различные группы людей. Мы полагаем, что возможно создать новый нарратив, фокусирующийся на отмене тюрем и на новом понимании справедливости, объединяющий людей в борьбе против капитализма и рабского труда, соединяющий теорию и практику гендерного освобождения и либертарные формы организации социума. С другой стороны, есть необходимость в сильных организациях и надёжных структурах, а также открытая повестка, с которой можно будет выступить, когда всё дерьмо станет явным, и Кремль будет больше не

способен так эффективно подавить социальный бунт – мы должны быть способны не только предлагать, но и воплощать на практике свои идеи.

В качестве заключительных слов мы хотели бы почтить память товарищей-анархистов Михаила Жлобицкого и Вильяма Ван Спронсена, а также многих прочих, пожертвовавших своей жизнью ради других или продолжающих борьбу даже за решеткой. Наследие павших в борьбе товарищей освещает наш путь. Посылаем революционный привет русскоязычным читателям и благодарим за возможность поделиться с ними нашими мыслями, надеждами и мечтами.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Большое интервью с Tekoşîna Anarşîst
2019-09-08

Скопировано 2019-09-14 с <https://hevale.nihilist.li/beseda-ta-1/> и
<https://hevale.nihilist.li/beseda-ta-2/>

Специально для Hevale: революция в Курдистане
Перевод с английского Дмитрий Петров и Артём Красин

ru.theanarchistlibrary.org